

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне-2

морские рассказы

Валерий Николаевич Ковалев

В закрытом гарнизоне-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17800123

ISBN 9785447452698

Аннотация

Сборник рассказов, баек, стихов и мыслей из жизни военных моряков-подводников. Исполнен в легком познавательном жанре. Для повышения жизненного тонуса и настроения.

Содержание

С легким паром	5
ДМБ	9
У черта на куличках	13
Не было бы счастья...	22
Наколки	27
Как в воду глядел	33
Сиреневый туман	40
Ветер	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

В закрытом гарнизоне-2
морские рассказы
Валерий Ковалев

© Валерий Ковалев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С легким паром

Удобно устроившись в кресле вахтенного и забросив ноги на направляющую балку, я с интересом читаю «Караван RQ-17» Пикуля. Второй час ночи, на лодке тишина и убаюкивающее гудение дросселей люминесцентных ламп.

Внезапно у кормовой переборки раздается резкий зуммер отсечного телефона, я встаю, и направляюсь туда.

– Не спишь? – раздается в трубке загробный голос Витьки Допиро. – Пошли на дебаркадер, помоемся.

– Идет, – говорю я, и вщелкиваю ее в штатив.

Помыться стоит, тем более что мы готовимся к очередному выходу в море и целыми днями принимаем на борт различное оборудование, приборы, расходные материалы и продукты.

К тому же я подвахтенный, а рядом с лодкой, у причала, пришвартован заводской дебаркадер с отличными душевыми для гражданских спецов.

Достав из бортовой шкатулки у торпедных аппаратов казенное полотенце, мочалку, шампунь и мыло, я сую все в защитную сумку от противогАЗа, набрасываю ее на плечо и спускаюсь на нижнюю палубу.

Во втором отсеке, у пульта химического контроля, работают две молоденьких малярши, а рядом пританцовывает и скалит белые зубы, сменивший меня, вахтенный носовых

отсеков, Славка Гордеев. Помимо обхода отсеков, в ночное время мы обеспечиваем все огнеопасные работы, которые ведутся на лодке.

– Видал? – подмигивает мне Славка и вожденно пялится на обтянутый комбинезоном, пышный зад одной из девиц.

Я ухмыляюсь, молча показываю ему большой палец и ныряю в люк третьего.

Там меня уже поджидает Допиро, с такой же сумкой.

Мы взбегаем по звенящему трапу в центральный пост, где в окружении светящихся датчиков и мнемосхем скучает вахтенный офицер, и просим разрешение подняться наверх.

– Давайте, – значительно кивает тот головой, и мы исчезаем в шахте люка.

Наверху россыпи звезд, начался отлив и пахнет морем.

Сойдя по узкому обводу на трап, мы минуем караульную будку, с стоящей у нее «вохрой», с наганом в кобуре, и ступаем на широкий, заасфальтированный причал.

Несмотря на глубокую ночь, завод работает. В огромных, высящихся вдаль цехах, мерцают вспышки сварки, слышны звон металла, грохот пневмомолотков и урчанье электрокаров. Родина укрепляет свой ядерный щит.

Миновав стоящую позади нас в ремонте лодку, мы подходим к ярко освещенной коробке дебаркадера. На нем расположены всевозможные мастерские и подсобки, в числе которых шикарная душевая для заводских рабочих.

Отдраив нужную нам дверь, мы спускаемся вниз и попа-

даем в обширную раздевалку. В ней, в ярком свете плафонов, белые шкафчики у переборки, мягкие маты на палубе и низкие длинные скамейки по периметру. Из-за неплотно прикрытой двери душевой, слышен шум воды, неясные голоса и выбиваются клубы пара.

– Во, кто-то уже моется, – говорит Витька, и мы раздеваемся.

Потом я тяну на себя тяжелую дверь, мы переступаем высокий комингс, и обширная душевая оглашается пронзительным визгом.

Там, в молочном тумане, мелькают несколько розовых тел, и в нашу сторону летят мочалки.

– Ух ты-ы! – восхищенно гудит Витька, и тут же получает одной в лоб.

– Пошли отсюда! – орут из кабинок девицы, стыдливо прикрываясь руками.

– Да ладно вам, – утирает с лица мыльную пену Витька. – Матрос ребенка не обидит. Ведь так, Валер?

– Ну да, – отвечаю я, и мы, посмеиваясь, семеним по кафелю в другой конец душевой.

Соседки, что-то бубнят, потом хихикают и, поддав напоследок пару, по одной выскальзывают за дверь.

– Хорошо помыться, мальчики! – весело кричит последняя.

– И вам не хворать, – бубнит Витька, намыливая голову. Через полчаса, изрядно напарившись и ополоснувшись

напоследок, мы возвращаемся в пустую раздевалку, в изнеможении опускаемся на скамейки.

– Хорошо, – говорит Витька, тяжело отдуваясь. – А у нас в Сибири, бабы между прочим, с мужиками моются.

– Иди ты?! – не верю я.

– Сам иди, – хмыкает приятель. – В деревнях.

Потом мы обсуждаем забавное приключение, хохочем и направляемся к своим шкафчикам.

– Твою мать! – выпучивает глаза Допиро. Рукава его робы и штанины, завязаны мокрыми узлами.

То же самое и с моей.

– Вот сучки, – шипим мы с Витькой, пытаясь развязать узлы. Но не тут-то было, они затянуты намертво.

Следующие полчаса, матерясь и действуя зубами, мы все-таки приводим робы в рабочее состояние, напяливаем их на себя и спешим назад.

– Ну что, как говорят с легким паром, – бормочет Витька, когда, добравшись до каюты, мы заваливаемся в койки.

– И тебе не хворать, – зеваю я, вслед за чем мы проваливаемся в сон.

Крепкий и глубокий.

ДМБ

*Придет весна, растает речка,
И ДМБ объявит Гречко.
(из военной поговорки времен застоя)*

Майское утро субботы.

Казарменный городок купается в лучах весеннего солнца, вдали голубеет залив и зеленеют сопки. В режимной зоне, у уходящих в воду пирсов, дремлют черные тела ракетноносцев. Откуда-то доносит тягучий гудок рейдового буксира.

– Ну что, Валер, держи краба, – басит Витька и сдвигает белесые брови. – Глядишь, еще свидимся.

Рядом с нами, с увольняемыми в запас, прощаются другие ребята. Все пожимают друг другу руки, хлопают по плечам и широко улыбаются.

На «дембелях» блистающая золотом погон и нарукавных шевронов, отутюженная форма «три», первого срока, надранные до зеркального блеска хромовые ботинки и черные щегольские бескозырки, с длинными муаровыми лентами и надписью «Северный флот».

Ребята оттрубили по три года и уходят на гражданку.

Смотреть на них приятно. Все рослые, как на подбор, уверенные в себе и солидные.

А моему набору служить еще полгода, что сейчас кажется

целой вечностью.

Мы знаем, что в той, новой жизни, вряд ли встретимся и всем немного грустно. Будут еще новые встречи и друзья, но таких, как эти, никогда не будет.

Потому, что мы экипаж подлодки. Где все за одного и один за всех. Без дешевого пафоса и героики. Многие поймут это много позже, на гражданке, которая сейчас кажется такой желанной и заманчивой.

А пока мы радуемся как дети, и по – доброму завидуем ребятам.

– Ну что, кореша почапали?! – смотрит на часы здоровенный Колька Кондратьев.

«Дембеля» в последний раз окидывают взглядом кубрик, шлепают на затылки бескозырки, и прихватив чемоданы, вместе с нами направляются к выходу.

– Смир-рна! – бросает руку к виску дневальный, дверь выпускает группу и оглушительно хлопает.

Мы вниз не спускаемся, традиция, и возвращаемся в кубрик, к открытым окнам. На широком подоконнике одного из них, уже стоит наготове экипажная «Комета».

Как только открывается дверь подъезда и из нее возникает первый «дембель», Серега Антоненко давит кнопку и наступившую тишину взрывает марш «Прощание славянки».

Из подъездов близлежащих казарм появляются другие группы увольняемых, в воздухе возникают новые «славянки» и в окнах всех этажей гроздьями висят моряки.

– ..р-раа!!! – мощно несется над заливом и в небо взмывают сотни чаек.

А группы увольняемых сливаются в одну, и парни, весело переговариваясь и изредка оглядываясь назад, широко шагают в направлении режимной зоны.

Там они в последний раз пройдут мимо своих ракетноносцев, с развевающимися на рубках сине-белыми флагами, и каждый взглядом простится с кораблем. Навсегда.

Когда последние фигурки исчезают за открытыми створками ворот «зоны», мы прекращаем орать, и от избытка чувств закуриваем.

– Да, – в три затяжки сжигает свою «приму», сидящий на подоконнике Витька Свеженцев. Скорее бы осень и дождь!

– Ничо! – встряхивает чубом Серега Осмачко. Щас сходим на три месяца в автономку, потом санаторий и тю-тю!

– А мы с Васькой, наверное, останемся на сверхсрочную, – хлопает по плечу друга Сашка Миронов. Служба нам нравится.

«И никто не подаст нам руки, сундуки мы с тобой, сундуки!» весело декламирует Васька, и все хохочут.

А минут через десять издалека доносится певучая сирена, и по фарватеру, вдоль строя кораблей, в сторону выхода из залива, рассекая синь воды подводными крыльями, проносится белоснежная «Комета».

На ее корме чернеет толпа моряков, машущих бескозыр-

ками в нашу сторону.

Прощай, не горюй,
Напрасно слез не лей,
А лучше крепче поцелуй,
Когда сойдем мы с кораблей!

доносится оттуда, и все исчезает в туманной дали.

У черта на куличках

– Майна, майна помалу, мать вашу! – простужено хрипит боцман, и грузовая сетка с очередной партией груза, ложится на «стол» шахты глубоко внизу.

Там орудуют ракетчики, раскрепляя все по штормовому, а мы – швартовная команда, под руководством командира БЧ-2 и боцмана, орудуем наверху.

Когда очередная шахта наполняется, мы вытаскиваем ребят наверх, и все отходят в сторону.

– Закрывать крышку шестой! – машет капитан-лейтенант в сторону маячащего на мостике старшины команды.

Через минуту в корпусе слышен шум гидравлики и громадная крышка ракетной шахты плавно опускается на место.

– Перекурить бы, товарищ капитан-лейтенант, – ноют Осмачко с Тигаревым и Гарифулин. Совсем задубели в шахте!

– Гарик Данилович, облаченный в новенькую канадку, скептически косится на своих подчиненных и милостиво кивает.

Скользя сапогами по мокрой палубе и весело балагурия, мы семеним к рубке, спускаемся в переходной люк и по трапу сбегает на пирс. На нем горы всевозможных грузов, среди которых копошится еще десяток моряков.

– Да, – скептически говорит Федя Гарифулин, – когда мы дышим сигаретами у борта пришвартованного рядом дебар-

кадера. – До ночи хрен все загрузим.

Завтра поутру, наш ракетный крейсер уходит из Северодвинска еще дальше на север, к своему постоянному месту базирования, и на него необходимо принять все то, что полагается для нового корабля в таких случаях.

А полагается немало. Здесь необходимый по штату «ЗИП», легководолазное и химическое снаряжение, штурманские приборы, стрелковое оружие и пиротехника, разнообразное шхиперское имущество, морские спецодежда и обувь, а также всевозможные расходные материалы, включая спирт, моющие средства, и даже пылесосы.

Все, наиболее ценное, накануне принято на борт, помещено в сейфы, хранилища и раскреплено по штатным местам, а остальное мы грузим в пока еще пустые ракетные шахты.

Их у нас двенадцать и в каждую можно свободно запихать по три легковых автомобиля.

– Кончай перекур! – доносится с рубки, и мы, дососав бычки, поплотнее запахиваем свои номерные ватники и топаям назад, на ракетную палубу. С неба, кружась в воздухе, падает пушистый снег, и мы ловим его руками.

Потом снова команды «майна – вира», привычный мат боцмана и шум гидравлики.

Когда в десятую по счету шахту грузим «ленинскую комнату», на палубе появляется замполит.

– Так, арлы, комнату апускать бэрэжно! – наклоняется над шахтой Башир Нухович.

– Не беспокойтесь, товарищ капитан 2 ранга! Все будет тип-топ! – орут снизу ракетчики.

Ленкомната, детище замполита и изваяна в столярном цехе завода по его личному эскизу. В ней два десятка стильных полированных столов, такие же, изготовленные из карельской березы стулья, украшенная накладным гербом трибуна и множество впечатляющих зрителя стендов, с изображениями вождей и их изречениями.

Во сколько стал Башир Нуховичу этот политшедевр мы не знаем, но без энного количества корабельного ректификата, тут не обошлось точно.

Спирт, а по флотски «шило», в Заполярье эквивалент денег, и за него можно достать самого черта.

И о будущем благополучии нашего славного экипажа, который является не только военным, но и хозяйственным организмом, позаботился не только заместитель.

Помощник с боцманом, за этот же «эквивалент», расстарились на складах пару десятков новеньких ватников, и множество бочонков краски. Укрепили свои «хозяйства» и рачительные командиры боевых частей, вместе с правильно воспитанными подчиненными.

Например, мы, торпедисты, презентовав сдаточной бригаде несколько кило сэкономленного ректификата, обзавелись в отсеке дополнительным вращающимся креслом для вахтенного, шикарной, с кодовым замком сейф – шкатулкой и крепящимся к подволоку столом – трансформером.

Аналогичный комфорт, в зависимости от проявленной военно-морской смекалки, получили и другие отсеки корабля.

Аврал завершаем в первом часу ночи.

В последнюю ракетную шахту загружаем дюжину оглушительно пахнущих и сочащихся клейкой смолой на срезах, зеленых елок.

Скоро Новый Год и об этом позаботился заместитель. В тех местах, куда мы отправляемся, растет в основном мох, да и то на скалах.

– Тэкс, порядок, – пройдясь по ракетной палубе и обзрев закрытые крышки, – довольно изрекает командир БЧ-2. Всем вниз, пить чай и в люлю!

Через полчаса, угостившись в кают – компании, мы разморено плетемся в каюты и проваливаемся в сон.

А рано утром, взметая водяные гейзеры выхлопов по бортам, наш крейсер плавно отходит от стенки. На причале небольшая группа провожающих, во главе с комбригом и несколько представителей завода.

Сверху густо валит мокрый снег, и берег вскоре исчезает в тумане.

Миновав остров Ягры, крейсер выходит из залива, тоскливо воет ревун, и мы идем в сторону низкого горизонта. Прощай, Северодвинск!

А следующим утром, войдя в Баренцево море и миновав цепь скалистых фьордов, крейсер, втягивается в хмурую, опоясанную заснеженными сопками, гавань.

Вдали виднеется застывшая в небе стрела плавкрана, по обе стороны от нее уходящие в воду, стальные пирсы, с застывшими на парящей воде черными телами ракетносцев, а слева, на берегу под скалами, небольшой казарменный городок.

– Да, – вздыхает стоящий рядом со мной на надстройке, радиометрист Серега Чибисов и сплевывает за бор. – Тут особо не разгуляешься.

Потом, влекомый пыхтящими буксирами, крейсер совершает циркуляцию, и, раздвигая тупым носом густую воду, подходит к одному из пирсов, на котором чернеет небольшая группа встречающих. С рубки лает мегафон, я верчу в руке бухту бросательного, и мечу ее в стоящих у кнехтов матросов матросов. Легость попадает одному в голову, тот падает, и носовая швартовная дружно регочет.

– А-тставить смех! – гавкает мегафон, натужно гудят шпильи, и мы «привязываемся».

Затем с пирса надвигают трап, и по нему сбегает командир.

– Товарищ командующий, ракетный крейсер «К-450» прибыл к постоянному месту базирования! Командир, капитан 1 ранга Милованов!

Вице-адмирал сует ему руку, значительно кивает головой, после чего все убывают в штаб.

После обеда на пирс въезжает грузовой «УАЗ» и начинается великое переселение.

Для экипажа определена новая белая казарма, стоящая на выходе из залива, и мы немедленно начинаем перевозить туда свой скарб.

За высокой, обитой вагонкой дверью, на которой уже привинчена медная табличка «в/ч 53117», нас встречает небольшой холл и светлый просторный кубрик, с двумя рядами голых двуярусных коек. За ними длинная кишка офицерского коридора, с неременной ленкомнатой и каютами, а в другом конце баталерка со стеллажами и умывальник с душем и галюном.

После тесных помещений плавбазы, на которой команда обреталась раньше, все кажется неправдоподобно большим, и мы с удовольствием обходим новые пенаты.

Из четырех высоких окон кубрика, с казенными шторами и рулонами затемнений на карнизах, хорошо просматривается залив, с чернеющими вдали лодками и небольшим каменистым островом увенчанным створным знаком, похожее на плавающую гусеницу боновое ограждение справа и стоящий на якоре, серый тральщик брандвахты.

Наши «годки» довольно посмеиваются и потирают руки. До формирования экипажа они тут служили и рады возвращению.

– Ну че, кореша, прошвырнемся завтра к соболевцам? – подмигивает приятелям строевой старшина Жора Юркин. – На стакан компоту!

– А то! – басит Серега Корунский, грузно рушась на бли-

жайшую койку.

– Серый – так тут шо, и впрям увольнений нету? – интересуется у него Витька Иконников

– Не, – крутит вихрастой башкой Корунский. – Мы ж у черта на куличках. Дальше только Полюс.

– Вот тебе и флот, мать бы его еб! – с чувством декламирует Саня Ханников, и этаж откликается гулким эхом.

Через несколько часов целенаправленного труда, все приобретает жилой вид.

Кровати образцово заправлены, палуба сияет первозданной чистотой а на вешалке красуется длинный ряд матросских шинелей с шапками. Тут же, у обязательной тумбочки, солидно проахаживается дневальный, с повязкой «РЦЫ», нацепленной на рукав.

– На клев! – орет он ровно в час, и мы, напялив шинели, сбегает по гулким ступеням вниз, строимся и направляемся в сторону камбуза.

Его белый куб висится на сопке в конце казарменного городка, и туда, со стороны базы, ходко топают экипажи лодок.

– Прибавить шагу! – бухтит шагающий сбоку Жора, и сапоги громче хрустят по снегу.

К камбузу ведут три широких пролета бетонной лестницы, и, скользя по наледи, мы карабкаемся вверх. Морские строи напористо вливаются в широко распахнутые двери, слышны веселые голоса и мат.

Наш этаж третий.

Нацепив на вешалки шинели и шапки, а заодно и выставив пару вахтенных (иначе шустрые коллеги обязательно чего-нибудь сопрут), мы вваливаемся в громадный зал, наполненный гулом голосов и лязгом посуды.

– Сюда! – появляется откуда-то взмыленный интендант и тычет пальцем в четыре стола в центре.

Мы рассаживаемся за каждый по десять, берем в руки «орудия труда» и приступаем к трапезе.

Здесь она, как говорят, по полной морской норме. Помимо томатного сока, винегрета и шпрот в масле, наваристый мясной борщ, тушеная картошка с курицей, сдобные, посыпанные маком булочки и густой компот из чернослива.

– Ну, Желудок, – толкает в бок своего соседа, сидящий напротив Серега Антоненко. – Теперь наконец-то, мы тебя откормим.

– Угу, – мычит, вгрызаясь в огромный мосол, Сашка Миронов, по кличке «Желудок». – Море любит сильных, а сильный любит пожрать.

Желудок – феноменальный обжора. Он может в неограниченном количестве потреблять самые различные продукты, причем в любое время суток.

После обеда, разморенные едой, напялив шинели и шапки, мы спускаемся вниз, пять минут перекуриваем, а затем строимся и топаем обратно.

В районе штаба флотилии, у которого стоят несколько автомобилей и в сторону камбуза важно дефилируют старшие

офицеры, мы встречаем идущий навстречу строй.

– Сашка, Жорка, здорово черти! – орут оттуда. – Когда причапали?

– Здорово! – радостно гудят наши годки. – Сегодня утром!

– Заходите вечерком!

– Непременно!

Потом мы снова доставляем с лодки всевозможные грузы, поднимаем их на шестой этаж, и под пристальным оком помощника с интендантом растаскиваем по своим местам.

А когда висящая в холле радиоточка торжественно играет полуночный гимн, наводим окончательный порядок и заваливаемся спать. Впервые на берегу за последние восемь месяцев.

Не было бы счастья...

Подать носовой! – металлически гавкает с рубки мегафон, я делаю шаг вперед, и, что есть силы, мечу на причал, соборанный в бухту мокрый бросательный конец. Метрах в десяти, отброшенный шквальным порывом ветра, он зависает в воздухе, путается и булькает в пляшущие внизу волны.

Под соленый, доносящийся с мостика, мат и ругань бегающего по надстройке «бычка», мы со старшиной команды Олегом Ксенженко, спешно, выбираем проклятый бросательный и снова набираем шлаг.

Когда пыхтящие с внешней стороны буксиры в очередной раз наваливаются тупыми форштевнями на покрытый пеной борт крейсера, и тот опять приближается лагом к стенке, мегафон взрывается новой командой, и бросательный конец-то достигает цели.

Вслед за этим, в кипящую воду рушится прикрепленный к нему стальной швартов, которые трое матросов на стенке, пытаются подтянуть к кнехту.

– Бах! – взлетает вверх очередная волна, бросательный лопается, матросы валятся на причал, и швартов тонет.

– ...ашу..ать!! – неистовствует сверху мегафон и мы, треща спинами и отплеываясь от соленой воды, снова втаскиваем его на надстройку.

– Крепить запасной! – по петушиному орет «бычок»

и Олег захлестывает на огне второй бросательный.

В этот раз все, наконец, получается, легость достигает причала, моряки быстро выдергивают швартов и набрасывают на кнехт.

Потом натужно воет шпиль, с него летят снопы искр, и тысячетонная махина ракетноосца нехотя подтягивается к стенке.

Чуть позже, выстроенные на надстройке, мы понуро стоим и слушаем нелюбезные сентенции старпома.

– Вы не швартовная команда, а пингвины обос....! – чертом носится он перед строем. – А вот этого ковбоя, – тычет в меня пальцем, – тренировать до посинения!

– Есть! – с готовностью рывкает «бычок» и делает зверскую рожу.

Потом старпом убегает в рубку, Сергей Ильич распускает строй, и мы, хлюпая в сапогах водой, приводим свое хозяйство в исходное.

– А зря он нас, – обращаясь к «бычку», недовольно гудит Олег. – При таком ветре нужен линемет, как, например, у американцев. А мы все по старинке, на пуп.

– Я вам завтра дам линемет, – недовольно брюзжит Сергей Ильич. – Все вниз!

Прихлюпав в отсек, мы с Олегом устало стаскиваем разбухшие сапоги, потом освобождаемся от спасательных жилетов, мокрых ватников и штанов, после чего стоящий на вахте Саня, развешивает все сушиться.

Если быть объективным, то швартовные команды на корабле отработаны неплохо. Ребята подобраны не хилые, каждый знает, что и как делать, но в такой шторм мы «привязывались» впервые.

А поскольку швартовка для каждого корабля является своего рода визитной карточкой, недовольство командования понятно. На нее всегда глазают с берега и дают свою оценку.

На следующее утро, после проворота оружия и механизмов, мы с Олегом выбираемся на надстройку и приступаем к тренировке. Погода стоит ясная, в небе нежарко светит солнце, и все располагает к приятному времяпрепровождению.

На палубе стоящего впереди крейсера дебаркадере, рассевшись по лавкам, лениво дымят сигаретами десяток заводчан в касках и с интересом взирают в нашу сторону.

– Здорово сынки вас вчера вздрючили! – кричит кто-то оттуда, и все смеются.

– Так, – недовольно косится на весельчаков Олег. Давай, крепи и первый бросок на стенку.

Я снимаю с плеча пеньковую бухту троса с увесистой грушей легости, внутри которой грамм двести свинцовой дроби, захлестываю ее конец за ближайшую утку и, оставив на палубе большую часть шлагов, беру оставшиеся в левую руку.

Потом, по команде Олега, раскручиваю увесистую легость и запускаю все в воздух. Распускаясь спиралью, снасть

со свистом рассекает воздух и приземляется в дальнем конце причала.

– Во-во! – орут с дебаркадера. Сегодня уже лучше!

Обижаться не приходится. Каждый из сидящих там, в свое время не один год оттрубил на флоте, и мы относимся к заводским с уважением.

– Давай по нам! – советуют после очередного броска зрители. – Легостью в промежность! – и дружно гогочут.

– Давай, – согласно кивает Олег, и я прикидываю расстояние до дебаркадера.

Туда метров сорок и попутный ветерок. Докину.

– Лови, дядя! – кричу я, после чего легость уносится к цели. Через секунду на посудине что-то звякает, и за борт летит каска.

– Го-го-го! – надрываются работяги, кто-то пронзительно свистит, а я подтягиваю сброшенный с дебаркадера бросательный

Потом гогот замолкает, и зрители делают нам какие-то знаки.

Оборачиваемся.

На причале, у трапа, стоят командир со старпомом.

– Ко мне! – слышится оттуда.

Переглянувшись, рысим с Олегом на причал.

– Товарищ капитан 1 ранга! – бросает он к виску руку. – Проводится тренировка по подаче бросательного. Старшина команды мичман Ксенженко!

– Добро, – кивает тот дубовыми листьями на козырьке фуражки. Сколько метров до дебаркадера?

– Метров сорок, – косится в ту сторону Олег.

– Да нет, пожалуй все полста будет, – авторитетно заявляет старпом.

– Вот так и надо кидать, – по доброму щурится на меня командир. – Далеко и точно. Объявляю тебе внеочередное увольнение.

Наколки

– Во-во, именно так и малюй, – встряхнув цыганским чубом, затягивается беломориной Жора Юркин и стряхивает пепел в иллюминатор.

Высунув кончик языка, и сощутив прозрачные глаза, экипажный художник Витька Бугров, макая в пузырек с черной тушью умыкнутое у штурманов стальное перо «рондо», изображает на листе кальки свой очередной шедевр.

На нем силуэт атомной подводной лодки, на фоне «розы ветров» и земного шара, а внизу, витиевато выполненный вензель «КСФ»

Потом все это будет перенесено на предплечье очередного клиента, обколото тремя, связанными вместе иглами и станет подтверждением его славной службы в подплаве Северного флота.

Этот самый клиент и мой ближайший друг Витька Допиро, сидит напротив Бугрова, шевелит кошачьими усами и с интересом пялится на шедевр.

– Слышь, Бугор, – уважительно обращается он к художнику. – А ты можешь изобразить кочегара, как у боцмана на жопе?

– Могу, Витек, могу, – мечтательно бормочет тот и принимает от Жоры дымящийся бычок.

У боцмана, мы видели в бане, на левой ягодице выколот

забавный кочегар в тельнике, в руках у которого исчезающая в определенном месте кочерга, а на правой, вырывающиеся оттуда клубы пара. При ходьбе все это приходит в неповторимую гармонию и вызывает у зрителей неопиcуемый восторг.

Наколки на всех флотах мира существуют со времен Колумба, и наш, Северный, не исключение. Они есть у многих офицеров, мичманов и даже адмиралов. Не так давно на лодке побывала комиссия из Москвы, возглавляемая Главкомом, и на пальцах одного из сопровождавших его адмиралов было выколото «ВАСЯ».

– Ну, вот и все, – удовлетворенно хмыкает Бугор, и мы с интересом рассматриваем его очередное творение.

– Молоток! – хлопает художника по плечу Жора и, аккуратно свернув кальку, передает ее Витьке.

На следующий вечер, после ужина, мы втроем – Жора, Витька и я, идем в плавбазовскую баталерку. Там нас уже ждет местный спец по наколкам – Степка Чмур.

– Ну че, принесли? – вопрошает он и кивает на стоящие у стола «банки»¹.

Мы молча усаживаемся, Витька поочередно извлекает из-за пояса наполненную доверху плоскую бутылку с «шилом»², а из кармана, исполненный Бугром рисунок.

– Тэ-экс, поболтавв руке посудину, разворачивает Степан

¹ табурет на флоте

² спирт-ректификат

кальку. – Путевая трафаретка. Колем?

– Ну да, – солидно кивает Жора, а Витька с готовностью стягивает с плеч робу вместе с тельником.

На выпуклой груди, справа, у него уже красуется Нептун с русалкой, наколотые еще в учебке, а на правой, хорошенькая головка девушки.

Между тем Чмур готовится к операции, и на столе поочередно возникают многоцветная шариковая ручка, плоская жестяная коробка с иглами, а также флакон с синего цвета густой жидкостью.

– Личная рецептура, – свинтив с него крышку, сует Степка флакон в нос Витьке. – Жжена резина, спирт и чернила.

– А я от нее, того, не гигнусь? – с сомнением нюхает тот смесь.

– Не ссы, Витек, – подмигивает ему Чмур. – Все будет как в лучших домах ЛондОна! Садись-ка ближе.

Верить Чмуру можно. Добрая половина плавбазовских щеголяет мастерски исполненными им наколками, и у Степана нет отбоя от ценителей художественной росписи.

Допиро с готовностью усаживается рядом с мастером, тот хватает его за руку и, поглядывая на рисунок, быстро воспроизводит его синей пастой на левом предплечье.

– Ну, как?

– Глаз – алмаз, – пододвигаемся мы ближе и цокаем языками. – Давай, Степ, запыживай.

Насвистывая какую-то мелодию, Чмур достает из ящика

стола индивидуальный пакет, отрывает кусок бинта и обильно смачивает его спиртом. Потом то же самое проделывается с иголками, и таинство начинается.

– Т-твою мать, – шипит побелевшими губами Витька, и на его лбу выступает пот.

– Ниче, – строча макаемыми во флакон иглами по контуру рисунка на руке, – тянет Чмур. Из возникающих проколов струится кровь, которую, время от времени, он промокает бинтом.

Зрелище не для слабонервных, и мы с Жорой закуриваем.

– А мне? – хрипит Витька, и я даю ему несколько раз затянуться.

Минут через пять Степа откладывает иглы в сторону, дает Витьке немного отдохнуть и тоже тянет из пачки сигарету.

– А вот вам военный анекдот, – окутывается он дымом. – Наш боцман рассказал.

Притаскивают, значит в госпиталь после боя моремана. Конец осколком оторвало. Кладут на стол, врач зашивает, что осталось, а операционные сестры, видят на обрубке наколотые буквы».. ля». Приходят после операции в палату и интересуются «товарищ краснофлотец, а что у вас на пипке было написано? Валя, Оля или Юля?»

Тот посмотрел на них и говорит – там было написано «Привет ивановским ткачихам от моряков Севастополя».

– Га-га-га! – корчатся все от смеха, и Жора давится сигаретой.

Потом таинство продолжается.

Спустя час работа завершена, и на багрового цвета Витькином предплечье, красуется синяя наколка.

– Да, сделано путем, – после тщательного осмотра констатирует Жора.

– Какой разговор, – пожимает плечами Чмур, и еще раз протирает спиртом свое творение. Через пару дней опухоль спадет, и все будет в ажуре.

Потом мы разливаем остатки в извлеченные Чмуром кружки, разводим водой из крана и «обмываем» наколку.

На следующее утро у Витьки поднимается температура, и мы тащим его после подъема флага в корабельную санчасть.

– Докололись, мать вашу! – возмущенно орет на нас лодочный врач Алубин, и, осмотрев больного, сует ему горсть таблеток. – Пей!

Впрочем, орет он не совсем искренне. У старшего лейтенанта тоже имеется наколка. Причем весьма импозантная и выполненная цветной тушью.

Затем он что-то черкает в журнале приема, определяет Витьке один день постельного режима, а мы уходим на лодку.

В следующую субботу, в окружении прочих интеллектуалов, Допиро целеустремленно «забывает козла» в кубрике, к Чмuru отправляются еще два клиента, а великий художник Бугров, в окружении почитателей его таланта, живописует

на кальке, готовящегося к претворению в жизнь кочегара.

Как в воду глядел

Август. В высоком небе сияют россыпи звезд, со стороны степи порой наносит запах прохлады, в садах изредка падают перезревший яблоки.

Мы сидим на длинной скамье рядом с автобусной остановкой, щиплем крупный виноград, спертый по дороге в чьем-то винограднике и лениво перебрасываемся словами.

Вечер, как говорят, удался. На Старом Руднике, так называется поселок на окраине города, где мы живем, пару часов назад завершились очередные танцы, прошедшие на удивление весело и без традиционной драки.

В нашем городе пять танцплощадок – по числу шахт. И на каждой самовыражается свой оркестр, или как сейчас говорят, «ВИА». С непременноми электрогитарами, органом и ударником. Молодежи – море. Шикарно одетой и бесшабашно веселой. А еще много новеньких «Яв» и «Ижей», которые блестят никелем рядом с танцплощадками, или лихо носятся по ночным улицам.

Плясать мы готовы до утра.

Но ровно за час до полуночи, в веселящейся массе появляются передвижные милицейские наряды и действие прекращается.

Небольшими группами, кто пешком, а кто на мотоциклах, молодежь растекается по тенистым улицам, цветущим скве-

рам и площадям. То там, то здесь, слышен звон гитар, мелодии портативных магнитофонов и задорный девичий смех.

Сидеть на нашей остановке хорошо. Она высокая, просторная, с красивыми цветными витражами и двумя чугунными скамейками перед входом.

Рядом, тускло блестя гудроном, к горизонту уходит широкая автострада, которую пересекает длинная, с пирамидальными тополями улица, метрах в тридцати, справа, в окружении плакучих ив и цветочных клумб, высокое здание штаба, а за ним, вдоль трассы, закрытый КПП и высокая бетонная ограда с вышками. За ней лагерь строгого режима, где сидят «зэки».

Это соседство нас несколько не смущает – мы тут выросли, лагерь давно вписался в городской ландшафт и освобождающиеся из него, исправно пополняют стоящие в степи шахты.

– Да, хороший вечерок задался, – покачивая узким носком туфли, довольно изрекает сидящий рядом со мной Женька Хорунжий и бросает в рот очередную ягоду.

– Ага, – затягивается крепчайшим «Легеросом» Колька Зайцев, – хороший.

Я молчу и тихо перебираю струны гитары, исполняя вариации «дома восходящего солнца», который сейчас играют на всех танцплощадках.

– А ведь скоро в армию, пацаны, – поводит широченными плечами Саня Йолтуховский. И прощай свобода.

– Ничего, – сплевывает виноградные косточки Женька. –
Еще целых три месяца.

На трассе, со стороны степи, появляются два далеких огонька, потом слышится треск моторов и через пару минут к остановке подлетают две «Явы».

– Ну че, не заскучали тут без нас? – белозубо скалится с первой Леха Криворучко и стаскивает с курчавой головы шлем. Он, вместе с сидящим за рулем второй, Саней Гриценко, отвозили с танцев домой, двух знакомых девчонок.

Затем возникает веселый треп, мы обсуждаем прошедший вечер, смеемся и не замечаем, как напротив останавливается следующая со стороны города, длинная автоцистерна.

Хлопает дверь кабины, наземь спускается водитель и подходит к нам.

– Здорово, хлопцы, – басит он. Отдыхаете?

– Ну да, – киваем мы. – Вроде того.

– Тут у вас заночевать нигде нельзя? А то рулю без напарника из самой Алушты, умаялся, мочи нет.

– Сложный вопрос, – переглядываемся мы. Разве что в центре, но ты, дядя, его проехал.

– Знаю, – вздыхает водитель. – Там мест нету. А я б за постой налил ведро мадеры.

– Мадеры? – недоверчиво переспрашиваем мы, и пялимся на водилу.

– Ну да, – улыбается тот, – крымской, марочной. У меня ее целая цистерна.

Через несколько минут Лехина «Ява», с сидящим позади Женькой, в сопровождении автоцистерны отъезжает от остановки, и, проехав вперед метров триста, сворачивает на Луговую, к дому Хорунжих.

– Ну и подвезло нам пацаны! – потирает руки Леха. Щас усугубим!

Вскоре мотоцикл, урча, снова подкатывает к остановке, и с него осторожно слезает Женька, с тяжелым молочным бидончиком в руках

– Полведра оставил на завтра, – говорит он, и извлекает из кармана граненый стакан.

– А вот и закусь, – семенит от мотоцикла Саня и вытряхивает из-за пазухи десяток золотых ранетов.

Потом мы пьем по очереди густое терпкое вино, хрустим пузырящиеся соком яблоками и нам хочется приключений.

И они появляются. В лице пришедшего накануне в отпуск с флота, Юрки Песина.

Сначала со стороны ведущей к Старому Руднику улицы слышится песня, потом на перекрестке появляется коренастая фигура, в широченных клешах, форменке и сдвинутой на затылок бескозырке

Северный флот, Северный флот!

Северный флот, не подведет!

сипло орет Юрка, и, в свете фонарей, на его плечах

взблескивают золотые лычки.

– Давай к нам, Юрок! – радостно машем мы руками, а Сания Гриценко закладывает в рот два пальца и оглушительно свистит.

Юрка старше нас года на три и до службы был известным в городе хулиганом.

– А, это вы, – подойдя ближе, добродушно басит он, и плюхается на скамейку.

– Мадеры дернешь? – щелкает Леха ногтем по бидончику.

– А то! – оживляется Юрка и Женька вручает ему наполненный до краев стакан.

– Марочная, – с удовольствием опорожнив его, крикает отпускник и аппетитно хрустит яблоком. – Где взяли?

– Где, где, в Караганде! – смеемся мы, набулькиваем ему второй, а затем пускаем стакан по кругу.

– Знатная вещь, – авторитетно заявляет Юрка и поднимает вверх палец. – Нам на лодках тоже вино дают.

Мы знаем, что он подводник и уважительно киваем головами.

– Закуривайте, – извлекает Юрка из кармана пачку сигарет, и все тянут по одной.

– Импортные? – затягиваясь душистым дымком, интересуется Женька.

– Ну да, – следует ответ. Из Александрии.

– А где это?

– В Египте, темнота, – смеется Юрка. Мы там были с дру-

жеским визитом.

– Здорово, – удивляемся мы. – Это ж надо!

А Юрка самодовольно ухмыляется, снова лезет в карман и вручает всем по тонкой, обернутой в серебристую фольгу пластинке.

– Че это? – нюхает свою Леха.

– Жвачка, – следует ответ. Арабская.

Несколько минут мы сосредоточено чавкаем и выражаем свое удовлетворение.

– Да, ништяк у тебя служба, – говорит Саня. А нам с Валеркой осенью тоже в армию.

– На флот загремите, вот увидите, – покровительственно хлопает меня по плечу Юрка. У нас там шахтерни много.

Со стороны ярко освещенного КПП доносится металлический лязг, и из-за железной двери появляются два сержанта с красными погонами.

– О! – радостно ухмыляется Юрка. – Сапоги! Пойду, пообщаюсь.

– Брось, – отговариваем мы его, – не связывайся.

Солдат из роты охраны в городе традиционно не любят, и если они появляются на танцах, обязательно возникают драки.

– Не, пойду, – сплевывает на землю отпускник, поплотнее насаживает на голову бескозырку и неспешно дефилирует в ту сторону.

О чем они беседуют, нам не слышно, но через минуту

мелькает Юркин кулак и один из сержантов с воплем рушится на асфальт.

– В ружье! – испуганно вопит второй и в панике бросается к двери.

Когда Юрка исчезает в ближайшем переулке, оттуда вываливает увешанный амуницией караул и, гремя сапогами, уносится в темноту.

– Хрен они его догонят, – прислушивается к затихающим крикам Леха.

Минут через пять солдаты возвращаются, и двое из них направляются в нашу сторону.

– Слышь, пацаны, – подойдя ближе и тяжело дыша, интересуются один. – Че это за моряк был, вы не в курсе?

– Не, – вертим мы головами, – не в курсе. Наверное, какой-то залетный.

Тот недоверчиво косится на наши ухмыляющиеся рожи, что-то недовольно бурчит и оба звенят подковами в сторону КПП.

– Молодца Юрок – переглядываемся мы и довольно гогочем.

А в ноябре нас с Саней призывают на флот. На полные три года.

Вот тебе и Юрка. Как в воду глядел.

Сиреневый туман

Июнь. Прибалтика. Воскресное утро.

За открытыми окнами ленкомнаты весело чирикают воробьи, оглушительно пахнет сирень и в голубом небе сияет солнце.

Переваривая завтрак, мы сидим за двумя передними столами и внимаем речи замполита.

На носу смотр художественной самодеятельности, и он собрал все экипажные таланты.

Первый, и самый главный – штурманский электрик Иван Лука.

До службы он играл в духовом оркестре дома культуры у себя в Бендерах на инструменте с интригующим названием «корнет-а-пистон», мечтал на службе попасть в музроту, но вместо этого загремел на флот.

Затем следую я, имевший неосторожность закончить на гражданке музыкальный курс по классу баяна, радист Витя Будеев, умеющий стучать на ударнике и радиометрист Саня Ханников, которого я активно обучаю игре на шести-струнной гитаре.

Замыкают блестящую плеяду, исполнители матерных частушек и блатных песен, штурманский электрик Серега Антоненко и турбинист Витька Миронов, по кличке «Желудок».

Смотр, честно говоря, нам по барабану. Но есть стимул. В случае победы, Башир Нухович обещает всем участникам по десять суток отпуска, а это ни хрен собачий, побывать дома всем хочется.

– Итак, какие будут предложения? – отметив важность предстоящего мероприятия, вопрошает капитан 2 ранга.

Мы морщим лбы, изображаем мыслительный процесс и Лука поднимает руку.

– Давай, – шевелит густыми бровями Башир Нухович.

– Я думаю, надо организовать ансамбль, – значительно изрекает Лука. – Вокально-инструментальный. Как в ДОФе.

– Во-во! – экспрессивно поддерживает его Ханников. – И там, это самое, тренироваться.

– Принимается, – подумав, кивает головой замполит. – А что будете исполнять? От каждого коллектива выставляется одна песня, танец и декламация.

В части песни вопрос сложный, и мы чешем затылки.

Дело в том, что те шедевры, которые под гитару или баян, по вечерам звучат в баталерке и кубрике, к предстоящему смотру явно не годятся. В их числе целая серия блатных, ругательных и фольклорных.

– А давайте «Сиреневый туман», – внезапно предлагает Витя Будеев, и все тут же соглашаются. Эту песню, записанную на портативный магнитофон, совсем недавно привез из отпуска кто-то из офицеров, она всем нравится и есть на экипажной «Комете».

– Добро, – кивает Башир Нухович, делая запись в блокноте. – И кто будет петь?

– Желу..., извиняюсь, Миронов, – басит Ханников и хлопает по плечу сидящего рядом Желудка. Тот давится оставшимся от завтрака печеньем, сонно пучит глаза и с готовностью кивает.

– Не подведешь, Миронов? – с надеждой взирает на него замполит.

– Никак нет, товарищ капитан 2 ранга, – вертит башкой Желудок. – Только мне б перед выступлением десяток сырых яиц, для голоса.

– За это можешь не переживать, – следует ответ, и в блокноте делается очередная запись.

– А еще Серега спляшет «яблочко», – киваю я на Антоненко. – Ты как, Серый?

– Нет вопросов, – ослепительно улыбается Серега. – Сбавляю.

– Яблочко – старший матрос Антоненко – аккуратно выводит в блокноте зам. – Ну, а теперь декламация, что будем читать? – обводит он всех глазами.

Мы переглядываемся и нерешительно пожимаем плечами. Поэтов среди нас нету.

– А читать будем «Паспорт» – проникновенно изрекает зам. – Маяковского.

– Это который из штанин? – хитро щурится Ханников и мы смеемся.

– Отставить смех! – хмурится Башир Нухович. – Именно!
И грозно обводит нас взглядом.

– А кто будет? Мы не умеем, – вякает Лука, и все кивают головами.

– Комсорг, – следует ответ. – Старший лейтенант Мальцев.

Командир турбинной группы и по совместительству наш комсорг, Мальцев отличается богатырской статью, решительным командным голосом и умением «гнать пургу». Так что за судьбу «Паспорта» можно не беспокоиться.

– Ну, вроде бы все – скрипит стулом заместитель. – Вопросы есть?

– Нам бы того, новую гитару, – нерешительно говорю я.

– Ага, и еще барабан, – подпрыгивает Витя Будеев.

– Так я ж вам с месяц назад выписывал целых две, где они? – широко распахивает глаза Башир Нухович.

– Одна поломалась, – вздыхает Саня Ханников и косится на Луку.

Накануне, пытаясь переоборудовать одну из гитар в электрическую, умельцы устроили небольшой пожар, и инструмент приказал долго жить.

– Ладно, найду я вам гитару, и барабан, – вздыхает капитан 2 ранга. – А тренироваться будете здесь, в ленкомнате. И чтоб матерных песен мне не петь, ясно?

– Точно так, ясно! – дружно отвечаем мы, проникаясь ответственностью мероприятия.

Всю следующую неделю, после ужина и до отбоя, мы осваиваем нужный репертуар в ленкомнате и ДОФе, куда нас водит лейтенант Мальцев.

Дела идут неплохо и все довольны. Особенно Желудком. У него отличный лирический баритон и врожденное чувство такта.

– Молодец, Миронов, – довольно гудит Соколов. – А я думал, ты только жрать умеешь.

– Не, – хитро ухмыляется Витька, – и петь тоже.

Кроме нашего, в смотре принимают участие еще шесть, обучающихся в Центре экипажей Северного и Тихоокеанского флота, матросы из команды обеспечения и местный подплав.

Ветер

Над Кольской землей, завывая, несется ветер. Он кружит в воздухе снежные вихри, гонит по заливу свинцовые волны и тоскливо воет в сопках.

Пролетая над одной из отдаленных губ, так в Заполярье именуются заливы, ветер замедляет свой бег и немного стихает.

Внизу, в мутной полутьме, размыто просматривается база, холодные, застывшие в припайном льду, тела ракетносцев и обшарпанные казармы на берегу.

Справа от них, в отдельно стоящем здании, с приткнувшимися рядом «Волгой» и несколькими «Узами», в окнах тускло горит свет.

В просторном, расположенном на втором этаже кабинете, меряя его шагами, задумчиво расхаживает человек.

Ему далеко за сорок, на черной, с орденскими планками, габардиновой тужурке погоны вице-адмирала, а в зубах дымящаяся сигарета.

Внезапно за спиной раздается вкрадчивый звонок «вч», человек подходит к покрытому плексигласом массивному столу и снимает с аппарата, телефонную трубку.

– Слушаю, вас товарищ командующий, – шурится он от табачного дыма.

– В море? Приказ Главкома?! Да они что там, охренели!

И сигарета впечатывается в бронзу пепельницы.

– Есть, понял. Будет исполнено, – через минуту с безысходностью говорит он, и осторожно кладет трубку на рычаг. Потом с ненавистью глядит на висящий на стене портрет и давит кнопку селектора.

Вскоре бесшумно открывается обитая кожей дверь тамбура, и на пороге появляется молодой контр-адмирал.

– Давай, Александр Иванович, присаживайся, – кивает ему на приставной стул хозяин кабинета, тянет из лежащей на столе пачки вторую сигарету и щелкает зажигалкой.

– Значит так, – жадно затягивается он дымом и подходит к висящей на стене карте. – Срочно готовь к выходу на боевую службу экипаж Павлова. – Вот в этот район, – и тычет пальцем в координатную сетку.

– Но это же операционная зона Тихоокеанского флота, – привстает на стуле начальник штаба.

– А теперь и наша! – рявкает вице-адмирал. – Мне только что звонил комфлота, это приказ из Москвы!

– Понял, – кивает контр-адмирал. – Но как же так?

– А вот так, – тянется к подстаканнику с остывшим чаем командующий флотилией. – Там нет боеготовых крейсеров. Просрали флот, гребаные демократы!

– М-да, – жует губами начальник штаба. – Срок выхода?

– Еще вчера. Но постарайся уложиться в неделю, а я пока буду отбиваться от начальства. Глядишь, и для соединения, чего-нибудь выбью.

Когда начальник штаба уходит, вице-адмирал извлекает из стоящего рядом сейфа початую бутылку водки, плещет в подстаканник и залпом выпивает.

Выйдя от командующего, начальника штаба прошел через приемную со скупающим адъютантом к себе и срочно вызвал с лодки командира 410-й Павлова.

– Здравия желаю, Александр Иванович, – хмуро козырнул тот, появившись в кабинете.

– Здравствуй, Олег Николаевич, присаживайся. У тебя весь личный состав на месте?

– Почти, – если не считать помощника, он в госпитале, и двух подавших рапорта на увольнение офицеров.

– Да, теряем людей, теряем, – забарабанил пальцами по столу начштаба. В море хочешь?

– Да хоть к черту на рога, надоел весь этот бардак на берегу, – хмыкнул капитан 1 ранга.

– Ну что ж, в таком случае, готовься к выходу на боевую службу.

– Вы это серьезно? – вскинул голову командир.

– Вполне. На этот счет только что поступил приказ комфлота. Твоя лодка идет вне плана, вместо ТОФовской. У них там какая-то накладка.

– Ясно. Просели тихоокеанцы, – нахмурился Павлов. – Когда выход?

– Еще вчера, – отвел глаза начштаба. Так что давай, Олег, озадачивай личный состав и завтра в семь встречаемся у ко-

мандующего.

– Слушаюсь, – встал со своего места Павлов. – Но чтобы перед походом всем моим офицерам и мичманам были выданы зарплата и паек. Третий месяц бедствуют.

– Добро, сделаем все что можем.

Подкрепив себя живительной влагой и закулив очередную сигарету, вице-адмирал Орлов, так звали командующего, вызвал к себе заместителя по тылу.

– Как дела с довольствием личного состава, Иван Лазаревич, – вскинул он на него набрякшие глаза. Не повторим остров Русский?

– Не повторим, но плохо, – вздохнул лысый капитан 1 ранга, присаживаясь к приставному столу и раскрывая захваченную с собой папку. – Мясо и рыба на складах кончились, а овощей, круп и муки, едва хватит на месяц.

– Что обещает тыл флота?

– На этой неделе подкинут пару барж с картофелем, и это пока все.

– Твою мать, дослужились, – горько произносит вице-адмирал. – Вот тебе и бартер!

Слово «бартер» появилось на флоте несколько лет назад, когда началось тотальное разграбление страны, и он оказался никому не нужным.

Для начала продали на металлолом Ленинградскую ВМБ, а потом дело пошло. С благословения Кремля, из состава флота стали выводить боеспособную технику и отправлять

на «утилизацию», а оставшихся не у дел офицеров и мичманов, выбрасывать на улицу. В чьи-то карманы потекли миллионы долларов, а в уцелевшие гарнизоны просроченные продукты, гнилое обмундирование и заморский спирт «Роял».

Не миновала сия чаша и флотилию Орлова. Сначала на ней расформировали одну из дивизий, а потом ужали до размеров бригады. Теперь вместо десятка, на боевую службу в Атлантику выходили считанные корабли, а остальные ржавели у пирсов.

Выйдя из кабинета командующего и напялив на себя потрепанную канадку, Павлов поспешил на лодку, озадачивать личный состав.

Стоявший у заснеженного пирса крейсер, встретил командира тусклым светом рубочных иллюминаторов и дремлющим у трапа верхневахтенным.

– Не спать, твою мать! – рявкнул капитан 1 ранга и потряс моряка за плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.